Клео и клинок



Елена Станиславская

Елена Станиславская

Клео и Клинок

«Автор»
2026

Станиславская Е.

Клео и Клинок / Е. Станиславская — «Автор», 2026

Клео — монахиня-исследовательница. Одна из тех, кто изучает святыни. Она умна, предана своему делу и не всегда играет по правилам — особенно если они мешают её целям.Клинок — разбойник без имени. Один из тех, кто охотится за редкими святынями. Он ловок, опасен и живет по собственному кодексу чести.Их встреча начинается с лезвия у горла, но вскоре Клео и Клинку приходится заключить вынужденный союз. Похищенные реликвии, тайны монастыря, запретные знания и следы прошлого ведут их всё дальше от привычного мира — туда, где незыблемые истины начинают трещать по швам.Путь монахини и разбойника пролегает сквозь мрак, а компанию им составляет Светоч — одна из святынь, говорящий свет в лампе, который помогает Клео, терпеть не может Клинка, остроумно шутит, раздает советы и, кажется, знает куда больше, чем должен.

© Станиславская Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5

Елена Станиславская
Клео и Клинок

Глава 1

Глава 1
Небесные сестры, земные братья

Влево, вправо. Влево, вправо. Стоя у колонны, Клео наблюдала, как раскачиваются из стороны в сторону ноги сестры Агаты. В слабых рассветных лучах, что заливали клуатр, босые ступни повешенной казались почти синими.

Тихо скрипела веревка. Ветвь, к которой ее привязали, походила на выпростанную руку, держащую куклу-марионетку. Мертвая Агата казалась ненастоящей. Безвольная, обмякшая. Голова свесилась на грудь, и лицо скрыл праздничный небесно-голубой плат. Клео прищурилась. Да Агата ли это, право? На ее месте так легко представлялась другая. Любая из них. *Она сама*. Клео поправила свой плат — каждодневный, тёмно-синий — и обернулась за миг до того, как на плечо опустилась рука.

— Ты всё правильно сделала, сестра Клеонтина, — просипела настоятельница, пристроив на Клео вытянутую, как у симии1[1], ладонь. — Поступила по совести. Не кори себя.

Потупив взгляд, Клео велела телу не дергаться, а разуму не думать о прикосновении. О том, что чужая кожа отделена от ее собственной всего-то тремя слоями ткани: туники, верхней накидки и плата, ниспадающего на плечи.

— Вы правы, матушка.

— Я знаю, как приободрить тебя. — Губы настоятельницы, испещренные морщинами и трещинками, растянулись в улыбке. — Сегодня к вечеру прибудут земные братья. В благодарность за преданность я разрешу тебе первой, сестра Клеонтина, прикоснуться к новым святыням.

У Клео разом сбились и сердце, и дыхание. В ушах зазвенело, затрепетало в желудке, и вечно бледные щеки тронул румянец. Вот оно, поняла Клео. То самое доверие, ради которого все и затевалось.

Она живо представила, как пройдет встреча. Вначале земные братья — а скорее, их наемники — перенесут реликвии из обоза в приемную. Там святыни встретят сестры Домна и Беста — для осмотра, повторной чистки (после братьев всегда приходится драить) и описи. Пока Беста и Домна трудятся, мужчинам предложат умыться и потрапезничать, а затем снова пригласят в приемную — чтобы помогли перенести бесценный груз в зал толкования. Тогда-то и настанет время сестры Клеонтины.

Пройдя по длинному коридору, она ступит под стрельчатый свод, возьмет из короба перчатки, наденет их, разомнет пальцы и достанет из нижнего ящика светоч: не ломать же глаза при фитилях. В кельях сестры справлялись по старинке и обходились без неугасимых ламп, но для работы пользовались святынями нижнего порядка.

Клео возьмет третий светоч справа: пусть другие сестры говорят, что он ничем не отличается от прочих, она видит разницу и предпочитает работать только с ним. Поставив лампу на бесконечно длинный стол, меж разложенных на нем святынь, Клео на мгновение задержит дыхание и приступит к делу.

---

[1] Симия (лат. *simia*) — обезьяна; так животное называли в средневековых бестиариях.

По рукам побежали мурашки предвкушения, но тотчас превратились в злых блох. Взгляд поймал синие ступни — и фантазии померкли. Если бы Агата была жива, если бы все было как прежде, сегодня она первой вошла бы в зал с новыми реликвиями. Как и всегда.

Вспомнилась ночь, когда Клео явилась в келью настоятельницы. Сжатые кулаки. Три удара по двери. Желание провалиться сквозь каменный пол. Склоненная голова. Очи долу. Дрожащие губы. Слова: «Я должна сообщить вам ужасную весть».

Мерзостное чувство разлилось за ребрами, будто там треснуло прогнившее сердце и из него потекло что-то вязко-холодное. Клео велела воспоминанию исчезнуть, и оно послушалось, но было ясно: вернется. Не наяву, так во сне.

— Благодарю, матушка. Первой поработать со святынями — честь для меня. — Голос будто существовал отдельно от Клео.

Памятуя о правилах, она глубоко поклонилась, и настоятельница не упустила возможности — сунула руку для поцелуя. Пришлось, сдержав тошноту, клюнуть губами иссушенные пальцы.

Мимо прошелестели подолы. Разогнувшись, Клео успела поймать на себе взгляды сестер Эры, Леоты и Рекьяты — скользкие и ледяные. Доносчиков никто не любит, даже если благодаря им выявляют врагов. Кто есть предатель, предавший предателя? Сложный вопрос.

От матушки тоже не укрылся холод, что источали глаза сестер. Негромко окликнув их, она указала на тело в клуатре.

— Приберитесь здесь и свезите труп предательницы в город. Пусть там решат, на какой из окраин оставить ее: с разбойниками, блудницами или вероотступниками.

Эра и Рекьята смиренно склонили головы, а Леота содрогнулась. Должно быть, она на мгновение представила себя на месте Агаты: не только повешенной, но и не имеющей возможности лечь в землю. Только достойные жители Краеугольника после смерти отправлялись к Преисподнему богу, остальных же укладывали в склепах, на каменные плиты, а то и на другие мертвые тела — чтобы ни единая частичка не проникла в почву. Негоже вручать Преисподнему то, что самим кажется скверным, ибо он посылает людям лишь ценное: сытный клубень, полезный минерал или святыню с необычайной способностью. Порой смысл дара раскрывается не сразу — для того-то и нужны небесные сестры.

Не глядя на Клео, три монашенки вереницей потянулись к дереву — точно муравьи, которым предстояло забрать тело раздавленного собрата. Смотреть, как снимают Агату, Клео не стала. Обогнув настоятельницу, она нырнула в боковой проход. Плечо все еще чувствовало чужую руку, а нутро кололи острые льдинки, выпущенные из глаз сестер. Стоило запомнить их взгляды — и сказать Мелании, Нессе и Теодоре, чтобы смотрели так же. При матушке и других.

До вечера Клео не находила себе места. Дел в монастыре было немало, и она исправно трудилась, но из головы не шли новые святыни. Что принесут земные братья? Какие дары послал в этот раз Преисподний? И сможет ли она, Клео, проникнуть в их суть? За починкой книг, переборкой сушеных трав, прополкой грядок, стиркой платов и чисткой испытательных сосудов время ползло слишком медленно. Молитвы и ученье тоже не подгоняли его.

А еще все вокруг напоминало об Агате. Вернее, ее отсутствии. Никто больше не прочищал горло перед песнопением, не захлопывал неугодные книги так, словно сердился на автора, и не садился рядом с Клео во время занятий. Внутри у нее тоже образовалось пустое место, и каждый косой взгляд словно бы расширял его.

В положенный срок солнце устроилось на холме, отдыхая после дневных забот, и тогда же по монастырю разлетелся звон: дежурная на колокольне завидела лошадей и телеги.

Сигнал застал Клео в саду простых даров, с молотком в руке и гвоздями между губами — она чинила сломанные ящики для хранения овощей. Сестры встрепенулись, будто звон предназначался каждой лично. Опустились тяпки и грабли, распрямились спины и на лицах

застыло ожидание. Из прачечной, что примыкала к огороду, выбежала Мирта с закатанными по локоть рукавами и мокрым пятном на круглом животе. Замерла, глядя в небо.

Положив молоток и гвозди в ящик, Клео отерла руки о рабочий фартук, бросила его туда же и направилась к внешнему двору. За ней потянулись и остальные.

Матушка и первая сестра Вестафия уже стояли у раскрытых ворот. По другую сторону толпился люд: бедняки, сироты, больные и обыкновенные зеваки. Каждый лелеял надежду хоть одним глазком увидать реликвии — народ верил, что это приносит удачу. В толпе Клео заметила знакомую лысину, окруженную пучками рыжих волос, и едва не передернулась от отвращения. С него-то, с этого несчастного столяра, все и началось. Три недели назад он отрубил себе три пальца на правой руке и в ночи явился за помощью. Умолял, валялся в ногах. Рыдал: «Как же прокормлю семью?!» Клео уступила, не подумав, к чему приведет ее решение. Сейчас столяр размахивал целехонькой пятерней и явно не мучился совестью: ну сболтнул лишнего, что такого, пальцы-то уже не отберут. Клео сжала кулаки. Опустить бы молоток на эту голову, что так маняще блестит в лучах заходящего солнца! Заставив себя отвести взгляд, Клео уставилась на процессию.

Первыми во двор въехали двое братьев в запыленных дорожных плащах, накинутых поверх коричневых ряс. Следом показалась пегая лошадь, тянущая крытую телегу. Колеса были по самые ступицы измазаны светлой глиной. На бортах засохли такие же пятна. Груз прикрывало полотнище, и один его угол заметно топорщился — что-то натягивало ткань изнутри.

Что-то большое, продолговатое.

Создатель редко посылал столь крупные дары.

Сердце у Клео зашлось, и она перестала слышать приветственную речь настоятельницы.

Когда весь обоз оказался во внешнем дворе, привратницы закрыли створки. Гул толпы сделался тише, а запах лошадей, глины и пота — отчетливей. Клео быстро оглядела мужчин: в земляных рясах — монахи; в чем попало — наемники. С каждым разом, отметила она, вторых становилось все больше. Из знакомых лиц был только Гумнус, первый брат и правая рука настоятеля Бестдинского монастыря. Седой, поджарый, с обветренной шелушащейся кожей. Он спешился и, встав на колено, коснулся ладонью земли. Остальные монахи последовали его примеру, а за ними и наемники — кто-то неохотно, другие с чувством.

Только один копатель, с веревкой через плечо и киркой за спиной, не выразил почтения Преисподнему. Капюшон скрывал лицо наемника, потому Клео не могла сделать вывод: нарочно ли он не коснулся земли или по невежеству. В глухих деревнях далеко не все знали ритуалы.

— Матушка Бернарда, — первый брат выпрямился, — на сей раз Создатель…

Гнедая лошадка, испугавшись не пойми чего, всхрапнула и шарахнулась. Телега качнулась, и из-под ткани, небрежно прихваченной веревками, выскочил деревянный короб. Повис на краю борта. Соскользнул.

Работник, не преклонивший колена, успел подхватить ящик прежде, чем тот рухнул на землю. Движение было плавным и быстрым: наемник шагнул к телеге, присел и поймал короб одной рукой. Капюшон откинулся с лица, и Клео задержала на копателе взгляд.

Волосы — неровно стриженые, цвета печеных каштанов, с выгоревшими до золота прядями. Глаза — карие и большие, как у оленя, только недобрые. Перебитый нос. Загар, веснушки, пятна грязи на впалых бритых щеках. Остальные работники носили бороды и были постарше.

Клео подумала, что этот человек здесь лишний. А следом, что ей до него нет никакого дела. Взгляд остановился на коробе. Глаза прищурились, и голова склонилась набок. Интересно, что там?

Один из братьев, всплеснув широкими рукавами, ринулся к копателю.

— Осторожнее! — Голос был визглив и надменен. — Ты держишь святыню, а не ящик с брюквой!

Наемник спокойно, почти лениво ответил:

— Главное, что держу.

Брат выхватил ношу, и копатель добавил:

— Без меня, — он отряхнул ладони, — святыня упала бы и могла повредиться.

— Нефнад, — произнес Гумнус. — Добавь монетку к жалованью нашего друга. За ловкость, коей благословил его Преисподний.

Вернув короб в телегу, Нефнад тяжко вздохнул и полез в мошну. Первый брат проследил, как серебряный боб перекочевал к наемнику, а затем повернулся к настоятельнице и продолжил прерванную речь:

— На сей раз Создатель одарил всех нас особенно щедро. Надеюсь, небесные сестры познают суть святынь, добытых нами праведным и тяжким трудом. — Гумнус никогда не забывал подчеркнуть значимость братьев.

— Мы с благодарностью принимаем вашу работу. — Матушка поклонилась и, выпрямив спину, чинно добавила: — Теперь начинается наша, неутомимая и преисполненная долга.

Гумнус кивнул и чуть приподнял уголки рта. На его лице читалось: «Даже не думайте, что ваши труды превыше наших».

Вечный спор, кто лучше служит Преисподнему, тянулся с самого зарождения веры: когда Святой Вильг, вскапывая огород, обнаружил в земле чашу, а его сестра, Святая Дрита, решила помыть находку у старого колодца. Воду оттуда давно не пили, но для стирки и мытья все-таки брали — хоть и морщились из-за мутности и скверного запаха. Дрита, слабая от недоедания и болезни, нечаянно уронила чашу в колодец. Вильг заругался на растяпу-сестру, но та заверила, что все исправит. С пятой попытки Дрите удалось подцепить чашу ведром. Достав его, будущая Святая потеряла дар речи. Находка Вильга, переливаясь серебром, лежала на дне — она была прекрасно видна сквозь кристально-прозрачную воду.

Так у людей появилась первая реликвия — Чистая чаша.

— Братья и друзья, отнесите святыни в приемную, — велел Гумнус. — Сестрам не по силам такая работа.

— Как будто он не видел нашу Домну, — шепнула Несса за спиной у Клео. — Она подняла бы и телегу, и коня, и самого Гумнуса. Разом.

— Не разговаривай со мной, — не оборачиваясь сказала Клео.

Сестра цокнула языком.

— Если буду сторониться наушницы, могут подумать, что я разделяла взгляды предательницы.

«В этом есть смысл», — подумала Клео, отметив, что Несса не назвала Агату по имени. Правильно: движение губ могло выдать предмет разговора какому-нибудь въедливому взгляду.

На «наушницу» она, конечно, не обиделась: понимала, что Несса нарочно сказала так. А все же кольнуло где-то за ребрами.

Наемник, подхвативший короб, вновь достал его из телеги, прихватил еще один и направился в приемную — не забыв окинуть Нефнада насмешливым взглядом. Клео и сама не поняла, почему вновь обратила внимание на копателя. Верно, что-то в нем было. Настораживающее.

— Ловкач, — вздохнула Несса, когда наемник прошел мимо. — А кожа какая гладкая. Не как у других работников. И глаза красивые. Ореховые.

— Надеюсь, Преисподний занят и не слышит твоих речей, — пробормотала Клео.

— Создателю все равно, по кому я вздыхаю. Главное, чтобы не услышала матушка.

— И то верно, — согласилась Клео. — Будь осмотрительна. И ты, и… другие. — Она тоже не стала произносить имен.

Настоятельница, поблагодарив мужчин за помощь, пригласила их в трапезную странноприимного дома. Путь туда лежал через умывальню, где братьев и наемников уже ждали подогретая вода, травяное мыло и льняные полотенца, жесткие от щелока и пахнущие лавандой.

За спиной у Клео раздался шелест: Несса отошла. Другие сестры тоже потянулись кто куда. Таким был негласный порядок: как только святыни отправлялись в приемную, монахини возвращались к делам. Выказывать какой-либо интерес к мужчинам, сопровождать их или расспрашивать, было не принято. У ворот остались лишь те, кому было велено позаботиться о лошадях.

Чтобы ожидание не показалось вечностью, стоило занять себя работой, и Клео вернулась в сад простых даров. Там, среди грядок с шалфеем, иссопом, рутой и уже отцветающей ромашкой, она увидела Меланию. Та скользнула по Клео взглядом — глаза чернющие, влажные, точно кляксы, — и вновь сосредоточилась на растениях. Все, что было на грядках, находилось на ее попечении: Мелания заведовала травохранилищем при лечебнице.

Клео повязала фартук и взяла молоток.

Первый гвоздь вошел криво, второй чуть наискось, третий ровно. Дело заспорилось. Взмах руки, удар, глухой мерный стук — монотонность успокаивала. Мелания рядом срезала побуревшие верхушки иссопа и складывала их в корзину. Покончив с починкой ящиков, Клео принялась собирать вырванные сестрами сорняки: набивала мешки, сносила к перегнойной яме, вытряхивала — и всё по новой. Когда залиловели сумерки, у ворот поднялась суета: раздался мужской смех — звучал он сыто, пьяно и беззаботно, а следом забили по камню копыта и заскрипели обода.

Клео медленно развязала шнурки на рабочем фартуке и закинула его на поперечную жердь под навесом. После вымыла руки и вычистила, насколько смогла, грязь из-под ногтей, истратив всю воду в умывальнике. Наконец обменялась взглядами с Меланией — и вовремя отвела глаза.

В сад вошла Вестафия. Кивнув всем сестрам разом, она поманила Клео за собой. Воздух до отказа наполнил легкие, а ноги словно приподнялись над землей. Экстатическое чувство неизменно охватывало Клео перед встречей со святынями, но она не впадала в исступление, как случалось с Теодорой и некоторыми другими сестрами. Избыточный восторг мог помешать делу, а не было ничего превыше его. Клео запустила руки в широкие рукава, чтобы незаметно пощипывать себя, не давая чувствам взять верх над рассудком.

Первая сестра шла, как всегда, неторопливо. Клео хотелось схватить ее за свисающий пояс и потащить в зал толкования, точно на поводу, но приходилось сдерживаться. По крайней мере, Вестафия не докучала болтовней: говорить она не умела. Когда первая сестра хотела привлечь внимание, она звонила в крохотный колокольчик, подвешенный на поясе, рядом с огромной связкой ключей.

Зал толкования находился в старой части монастыря, за библиотекой и скрипторием. Чем ближе Клео подходила, тем сильнее билось ее сердце. Забренчали ключи, один тяжелее другого, и Вестафия отперла дверь. Почтительно поклонилась, глядя в сумрак зала.

Оттуда пахло святынями. Их неповторимым ароматом: отмытой землей и глиной, долгой лесной дорогой и тем удивительным материалом, из которого творил Создатель.

Клео переступила порог и остановилась. За спиной скрипнули дверные петли. Она осталась наедине со святынями.

Новые реликвии лежали на столе — сине-черные и сине-серые в вечернем свете. Вначале Клео посчитала: двадцать четыре. Затем приблизилась.

В той, что разместили по центру, она сразу признала большой продолговатый предмет. Святыня походила на обсидиан: гладкая, овальная, с тонкой светлой полосой по краю. Клео еще не доводилось видеть столь крупных даров: впрочем, благость не зависела от размера. Рядом лежали три одинаковых кольца, скрепленные так, что Клео не увидела ни швов, ни замков. Еще

одна находка походила на плоскую коробку величиной с две ладони; поверхность покрывали крошечные отверстия, расположенные слишком правильно, чтобы быть случайными. Остальные святыни выглядели как обычные геометрические фигуры: цилиндр, шар, тетраэдр. Преисподний любил гармонию и соразмерность. Он крайне редко придавал дарам причудливые формы.

Клео отошла к стене и, взяв перчатки из короба, натянула их на руки. Следом достала светоч. Как только пальцы коснулись неугасимой лампы, внутри нее замерцал прозрачно-белый огонь. Словно свет и пар одновременно.

— Здравствуй, — сказала ему Клео.

Она готова была поклясться, что светоч едва уловимо мигнул. Он всегда приветствовал ее в ответ, выделяя среди других сестер — так же, как она выделяла его среди других источников света.

Клео понесла фонарь к столу. Светоч был невелик: от основания до кольца — как от запястья до сгиба локтя. Каркас по цвету напоминал бронзу и образовывал четыре тонких ребра, охватывающих прозрачную колбу. За ней переливался свет: он зажигался, когда был нужен, и почти затухал, если надобность в нем отпадала. Внутри не было ни фитиля, ни чашечки для масла, а у самой лампы — ни петель, ни дверцы, ни съемного дна. Из книг Клео знала, что колбы никогда не пытались разбить нарочно, но случайно роняли, и те оставались целыми. В монастыре хранились четыре фонаря, оставленные для исследовательских нужд, а у Короны их было несметное множество. В каждом замке — по десятку, а то и больше. Братья часто находили светочи, и Агата все повторяла: «Настанет время, и они будут в каждом доме».

Очевидно, что, обитая под землей, Преисподний ценил свет.

Установив фонарь между реликвиями, Клео склонилась над первой — той, что напоминала обсидиан. Присмотрелась, провела пальцами по поверхности. Сразу захотелось снять перчатки, но первое исследование полагалось проводить в них. Даже сквозь ткань Клео почувствовала: то, что она вначале приняла за прожилки, на самом деле бороздки. Возможно, стык? Что если перед ней — лишь футляр, а сама святыня лежит внутри? Пальцы вошли в углубление. Подцепили, потянули. Вроде поддается!

За спиной раздался шорох, но Клео была не в силах оторваться от святыни. Да и кто там может шуршать? Разве что крыса.

Клео ошиблась. Ни один грызун не мог приставить лезвие к ее шее и прошипеть на ухо:

— Тихо, святоша.

А именно это и произошло.